

Сколько нужно тигров, чтобы поймать кабаргу

Чин Ху

Чин все реже выбирался на охоту в зверином облике, и по нему это было видно. Он все больше походил на типичного жителя столичного зоопарка, а не дикого тигра, способного охотиться, прыгая с места на семь метров. Да, он поправился, обленился и расслабился. Именно поэтому он решил вместе с Дином отправиться на охоту в этот раз, чтобы испытать свои силы и, возможно, чему-то научить сына, который тоже не каждое полнолуние бегал в горы за дичью и вообще звериный облик выгуливал крайне редко.

Золотой тигр забрался на довольно высокий каменный уступ и осмотрелся. Он не чувствовал холодный ночной ветер, но хорошо видел, как тот играл с травами и шуршал сухостоем. Чин принюхался, пытаясь учуять барана или кабаргу, за которыми и стоило начать охоту. Пока нюх ничего не улавливал, и он обернулся на сына.

Дин уже стал взрослым крупным тигром, мало напоминавшим того неопытного тигрёнка, которого Чин в свое время учил общаться со звериным обликом. Он мог быть намного сильнее и точно более ловким, чем сейчас был Чин.

Дин Ху

Дин редко охотился в зверином облике, но ему нравилось выбираться в горы и отслеживать дичь. В какие-то моменты можно было даже уступить, поддавшись инстинктам, и радоваться вкусу горячей крови и своей победе. Он крадся следом за отцом и остановился чуть ниже, также нюхая ветер. Дин пытался уловить запах мускуса, который выдал бы самца кабарги - лакомую добычу, из которой дежурные в столовой могли приготовить что-нибудь вкусное. Подошел бы и горный баран, который отличался более противной густой шерстью, но и она не была реальным препятствием на пути клыков хищника.

И да, вот он: пряный запах мускуса, пока достаточно далеко, но уже ощутимый. Дин показал клыки и мотнул головой, указывая отцу направление, в котором учуял возможную добычу. а затем соскочил со своего места и побежал в нужном направлении. Пока можно было не бояться поднять шум, а ветер играл ему на пользу, ведь он принес запах добычи, следовательно, дул от неё, прикрывая хищников. Дин заметил впереди какое-то движение и замер, чуть припав на передние лапы, но это была всего лишь птица, не стоившая его внимания.

Чин Ху

Дин раньше учуял добычу, но теперь и Чин отчетливо различал в порывах ветра запах мускуса. Он степенно спустился с уступа и отправился следом за сыном рысью, не пытаясь гоняться с более молодым тигром и что-то ему доказывать. Дин уже поднял шум в сухостое, затем среагировал на птицу, а Чин продолжал пробираться к цели, не отвлекаясь ни на что. Но он не планировал атаковать дичь

вперед Дина, он был готов уступить сыну эту возможность.

Чину и так было приятно, что он выбрался проветрить тигриную шкуру, и теперь привычные окрестности монастыря наполнялись подзабытыми звуками и запахами. В зверином облике он лучше видел в темноте, мог хорошо слышать малейший шорох на большом расстоянии и чуял палитру запахов гор. С ним разговаривали ветер, камни и почва под большими мягкими лапами. Он был рад поточить когти о свалившееся дерево и потянуться, выгнув длинную полосатую спину. Пока он радовался ночной прогулке и не особо думал об успехе охоты. Охотник из него уже давно был так себе: он нажрал под сотню лишних килограммов, а с таким весом проще степенно гулять, а не прыгать за всякими оленями да козлами.

Дин Ху

Дин снова принялся. Запах становился все более отчетливым, и он уже начал красться в ту сторону, откуда неся ветер. Там был ручей, у которого нередко водилась дичь, и главное было её не спугнуть, потому что кабарга на своих длинных нелепых ногах могла карабкаться очень высоко и очень быстро, а тигру было сложно преследовать дичь, если он промахнулся с первым прыжком.

Отец не пытался догонять. Он похоже просто гулял, и Дин понял, что охотиться предстояло ему самому. Он отряхнулся и прокрался еще вперед, затем прижался ближе к земле, затаился и присмотрелся. Запах был сильным, кабарга была рядом, метрах в пятистах, но пока её не было видно.

Бенгальский тигр пробежал рысью, припадая ближе к земле, еще ближе к тому месту, где должна была быть цель. Затем он стал красться тише и незаметнее, выбирая подветренную сторону, потому что наконец-то увидел цель. Зубастый олень попил воду и теперь тупил, вглядываясь в ночное небо. Самое время. Дин стал приближаться, стараясь наступать как можно тише, пока не оказался совсем близко от цели. Он припал на все четыре лапы и приготовился к прыжку.

Чин Ху

Чин видел, что Дин взял след и сейчас крался к добыче и не хотел ему мешать. Он запрыгнул по горному склону вверх, чтобы наблюдать за происходящим со стороны. С этой точки он видел и зазевавшуюся кабаргу, и готового к прыжку Дина, который сейчас притаился в траве и низко припал к земле, как его учили. Он был здоровым и крепким, силы в его лапах должно было хватить для такого прыжка, и вопрос был лишь в сноровке и меткости. И немного в удаче, потому что кабарги были пугливы, и почуяв малейшую опасность, удирали очень быстро. Сколько таких удирало из-под носа самого Чина - не счесть.

Чин лег на скалу и положил морду на массивные лапы. В этом театре он был зрителем, и эта роль его устраивала. Ночной ветер приятно перебирал золотистую шерсть и приносил запахи, которые рассказывали о том, что сегодня происходило в этой части Тибетского плато. Ночное небо смотрело на землю мириадами звездных глаз, а тонкий серп Луны сиял ровным серебристым светом. Чин довольно прищурился и повел ухом в сторону тихого шороха в стороне и сзади. Это в траве возилась пищуха, которая не стоила внимания царя гор.

Дин Ху

Дин понял, что ждать дальше бессмысленно. Он прыгнул вперед, целясь так, чтобы сразу сбить с ног добычу, впившись в неё когтями. Кабарга дернулась в последний момент, но тигр смог её удержать, чтобы добраться до тонкой шеи и перегрызть глотку одним уверенным укусом. Тигр сжал челюсти, дожидаясь, пока перестанет пульсировать кровь, и только после этого ослабил хватку. Он был не прочь сам полакомиться парным мясом, но человек в шкуре зверя вспомнил, что охотился для того, чтобы принесли добычу в монастырь. Загривок тигра недовольно дернулся, но затем Дин сел и стал тщательно вылизывать лапы и умывать морду от крови. Он огляделся в поисках отца, которого учуял в стороне и выше.

Теплая кровь пойманной дичи пропитывала землю возле ручья. Этот солоновато-пряный запах то и дело перебивал мысли человека, но Дин вновь и вновь возвращал себе контроль. Это было полезно и интересно, потому что дежурство стоит потраченных сил лишь тогда, когда во время него узнаешь что-то полезное лично для себя. А успешная охота еще и избавляла от пары дежурств с мытьем посуды в столовой, что было бесценно само по себе.

Чин Ху

Дин прыгнул очень точно, и пусть дичь успела рвануться в сторону, справился с ней достаточно быстро и ловко. Чин неспешно спустился с того места, откуда он наблюдал за охотой, но в следующий момент его нюх учуял запах дичи совсем рядом. И это был не запах крови от пойманной Дином добычи. Чин притаился и приняхался, затем осторожно выглянул из-за горного склона. Еще одна кабарга, которая щипала траву совсем рядом, не чувствуя целых двух тигров поблизости. Чин вышел на более удобную для прыжка позицию, приготовился и прыгнул достаточно быстро, чтобы добыча не успел заподозрить неладное. Ему повезло и он сразу смог вцепиться в глотку кабарге.

Теперь Чин чувствовал себя отлично: он не только проконтролировал, как охотился Дин, но и доказал, что сам является отличным охотником. Подумаешь лишней центнер веса, коме мешает это пузо, если оно просто волочется по земле, когда он крадется за очередной добычей? Он ведь еще способен охотиться и ловить провизию для монастыря, за то его и кормят. Чин подхватил добычу и понес её к ручью, чтобы показать Дину. Двух зубастых оленей хватит не только на хороший ужин, но и для того, чтобы заготовить мясо впрок.

Дин Ху

Дин удивился, когда увидел, что отец тоже поймал добычу. Он закончил умываться, затем отряхнулся и зевнул, показав длинные острые белоснежные клыки. Добычу было проще тащить в человеческом облике. Сейчас уже не было смысла дальше бродить по горам и искать какие-то новые цели, стоило просто дотащить до столовой пойманную дичь.

Дин перекинулся и взвалил себе кабаргу на плечи. Дождавшись, когда отец поступит так же, он направился в сторону монастыря, вспоминая дорогу. Добыча была тяжелой и из перегрызенной глотки сочилась кровь, но зато это был повод для гордости, ведь кабарга была побеждена в честной охоте и должна была пойти в

пищу, а не просто стать охотничьим трофеем.

Жители Линь Ян Шо не охотились ради охоты, они либо съедали добычу, находясь в зверином облике, либо относили её в столовую, где она шла на пропитание всем, кто жил в монастыре, либо если вдруг у охотников обнаруживались излишки, их продавали на рынке. Но в этот раз По сяншен однозначно сказал, что припасы нужны для столовой.
